

весть нашей эпохи, то, чем был Лев Толстой для своего времени».

И Ольга Фрейденберг всё поняла. Будто взлетаешь над планетой и видишь движение материков, надвиг Азии на Европу. Такими она увидела уральские пейзажи в романе. «Ты в Переделкине одиноко свершаешь свой невидимый подвиг, — где-то наборщики в передниках за то получают зарплату и кормят свои семьи, что набирают твоё имя на всех языках мира».

Это её последнее письмо. Двадцать лет они не виделись. Память о ней — «Ночь» и «Снег идёт». «Я окончил роман, исполнил долг, завещанный от Бога, но кругом ничего не изменилось...» Оказывается, роман — это «Предварительное действие» Скрябина, а Божественная симфония — впереди. Оказывается, главное — театр, пьеса... «Мне не терпится освободиться поскорее от этого прозаического ярма для более меня выражающей области...»

Многим роман не понравился, и Ахматовой тоже. Она не поняла, что роман — это «полная гибель всерьёз», а не «бой бабочек».

В мае 1956-го рукопись была передана итальянскому издателю Фельтринелли. Выбор сделан. Роман, который не напечатали на Родине, напечатан на Западе.

В письме в «Правду» Пастернаку принадлежит только одна фраза, но

какая: «Я связан с Россией рождением, жизнью, работой. Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне её».

Когда ему присудили Нобелевскую премию, мощь государственной машины навалилась на него. Но: «Высшие силы повелевают мне поступать так, как поступаю я». Пастернак сказал, что если его вышлют, то он сделает, как Марина Цветаева; сын Женя готов был ехать с ним куда угодно. Хемингуэй предлагал Пастернаку свой дом на Кубе.

Его оберегают птицы:

А птичка верит, как в зарок,

В свои рулады

И не пускает на порог

Кого не надо.

Не сбылось есенинское предсказание — «так и проживёшь пастернаком».

Он отверженный, его на всякий случай отправили в Тбилиси, подальше от Москвы, в дни визита английского премьера.

Я пропал, как зверь в загоне.

Где-то люди, воля, свет,

А за мною шум погони.

Мне наружу хода нет...

Что же сделал я за пакость,

Я, убийца и злодей?

Я весь мир заставил плакать

Над красой земли моей...

Стихи попали в английскую газету, и за несколько месяцев до смерти Пастернака вызывали к генпрокурору Руденко по статье 64 «Измена Родине».

Он закончил пьесу. На его столе — круглая чернильница, алюминиевая коробка с карандашами и ручками. Он писал фиолетовыми — фиалковыми — чернилами.

Он не хотел, чтобы Ольга Ивинская видела его больным: «Не пытайся меня увидеть». Перед смертью кровь пошла горлом — когда-то он сказал о стихах: «Нахлынут горлом и убьют».

Просил пораньше открыть окно.

Я белое утро в лицо узнаю...

Знаю, умру на заре...

В саду цвели вишни, им посаженные, и яблони. Мария Юдина играла Шуберта и с друзьями трио Чайковского — «Памяти великого артиста». Это была та музыка, которую он когда-то, маленький, услышал и сквозь слёзы увидел гостиную и виолончель...

На кладбище кто-то включил магнитофонную запись — «Август»:

Был всеми оцутим физически

Спокойный голос чей-то рядом.

То прежний голос мой

провидческий

Звучал, нетронутый распадом.

Читали «О, если б знал, что так бывает...», «Гамлета» — ненапечатанного. Солнце светило вовсю. Над его могилой — пушкинские три сосны...

Но кто мы и откуда,

Когда от всех тех лет

Остались пересуды,

А нас на свете нет... ❏

АРЕНДА

279 кв. м, 1-й этаж

Отдельный вход, парковка
(офис, магазин),

ул. Рязанская, 80,
Бизнес-центр «Рязанский»

НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Т.: 8-902-472-23-80, 8-912-78-25-061, 290-93-92

реклама

